

Сегодня — 100 лет со дня рождения А. А. Блока

«ЖИТЬ СОВРЕМЕННОСТЬЮ...»

(Традиции Александра Блока в творчестве Бориса Ручьева)

Сегодня литературная общность, весь наш народ отмечает столетие со дня рождения Александра Блока. Мы чтим поэта потому, что его творчество отмечено преданностью Родине и своему народу, неукротимым порывом к свободе. Блок дорог нам как представитель передовой русской интеллигенции, смело вставшей на сторону Октября и принесшей свой талант на службу революционному народу. Страстно мечтавший «все сущее — увечить, безличное — вочеловечить, несбывшееся — воплотить», «звонком счита» приветствовавший новый день человечества, Александр Блок — и сегодня наш современник, наш соратник в борьбе за утверждение идеалов добра, красоты и справедливости.

Будучи поэтом, стоящим на грани двух веков, Блок как бы сфокусировал в своем творчестве лучшие гуманистические черты поэтической традиции XIX века и вместе с тем явился открывателем нового значительного этапа в нашей поэзии. Через этот этап неминуемо должен пройти каждый поэт. Не случайно В. Маяковский призывал: «Учитесь у Блока! Знайте Блока, изучайте Блока. Это — величайший поэт! Через него не перескочишь!»

Написано уже немало работ, в которых рассматривается жизнь блоковской традиции в поэзии В. Маяковского, С. Есенина, Э. Багрицкого, В. Луговского, А. Твардовского. Нам же хочется показать влияние Александра Блока на творческую судьбу нашего земляка, известного советского поэта, лауреата Государственной премии РСФСР имени А. М. Горького Бориса Ручьева.

Изучая литературное наследие Б. А. Ручьева, удалось найти ряд интересных, с точки зрения названной проблемы, документов. Это дневники и записные книжки поэта, его эпистолярное наследие, выступления в печати по вопросам литературного творчества.

Среди названных документов первое упоминание об А. Блоке содержится в письме Б. А. Ручьева к поэту Дм. Ковалеву от 23 июня 1962 года, времени, когда поэт только что закончил поэму «Любава» и сдал ее в издательство «Молодая гвардия». Дм. Ковалев был редактором будущей книги Ручьева. В этом письме поэт подробно останавливается на идейном замысле своего произведения, говорит о том значении, какое приобрел в поэме образ Любавы. Он спорит с критиками, причисляющими поэму к «сугубо реалистическим» произведениям, «страдающим даже натуралистическими подробностями». Ручьев пишет о романтическом пафосе поэмы («чувствую я се-

бя романтизмом и символизмом») и открыто провозглашает приверженность к традициям А. Блока-романтика: «...вечная моя любовь к Блоку не могла же пройти бесследно!»

Близость к Блоку Ручьев видит в том, что прибегает в поэме к такому важнейшему и излюбленному им виду художественной образности, как реалистический символ (реалистическая символика, наполненная значительным жизненным и социальным содержанием, свойственна таким произведениям А. Блока как «Родина», «Возмездие», «Скифы», «Двенадцать»).

«Одним из моих принципов в работе над «Любавой» для того, чтобы образ Любавы был символически ясен, приподнять и очерчен резче, был отказ от употребления фамилий и имен других героев поэмы, хотя бы второстепенных», — пишет Ручьев. Любаву поэт называет «символом» — «деревенской нашей душой». Все дело в том, что российское наше крестьянство стонуло с места, бросилось в город, а принять его сразу не смогло... И настоящий героизм многих тогдашних Егоров заключался не в том, что они жили в бараках, ели хлеб да кашу, мерзли, работали до упаду, а главным образом в том, что, открывая для себя настоящую жизнь, рвались к ней, находили в душе своей силы переосмыслить старые ценности и, теряя самое дорогое, оставаясь «на посту», верными своему гражданскому долгу и своей человеческой совести... Они делали это, преодолевая в самих себе и Любавино отношение к городу, безусловно, знакомое им... Поэтому и «деревенская наша душа».

Ручьевские романтические тенденции в поэме основаны, как и в послеоктябрьском творчестве А. Блока, на глубоком знании конкретного материала — жизненной и исторической обстановки в стране в период «великого перелома». Поэт получил возможность в поэме глубже раскрыть свое «я», свой внутренний мир.

На основе собственного духовного и душевного опыта он раскрыл и внутренний мир своих героев, преодолевающих быт и повседневность, открывающих новизну жизни, человеческих отношений, открывающих в себе самих новые душевные качества.

О «вечной любви» Ручьева к Блоку свидетельствует и сделанная им в дневнике 1970—1973 годов запись, в которой он называет Блока «самым большим, настоящим учителем». Убежденный в этом сразу, признается Ручьев, мешало предвзятое отношение к творчеству поэта школьных учителей 20-х годов.

«Помню, в 5 классе, прочитав книгу стихов Блока, я многого

не понял, многому удивился, но был потрясен блоковской поэзией, неосмысленной моим тогдашним разумом, но пленившей меня до глубины души своей образностью, интонацией. «На поле Куликовом», «Россия», «Муза», «Соловьиный сад», «Заклятие огнем и мраком», «Незнакомка» и особенно — поэма «Двенадцать», — читаем в дневнике Ручьева.

Однако, когда на уроке литературы учащиеся попросили учительницу подробно рассказать о Блоке, «она познакомила нас без особой радости и вдохновения с поэтом-дворянином, чуждым нашей эпохе...» По ее словам, Блок остался за бортом революции, не прозвучал для людей нашего поколения. Он смущен своей слепой верой в Христа, нелепо, по ее мнению поставленного во главе «двенадцати». Нелепа его символика «двенадцати апостолов» революции... Она советовала нам не принимать всерьез этого несостоявшегося поэта, — пишет Ручьев, — а любить поэзию и изучать жизнь у Д. Бедного и В. Маяковского.

Уже позднее, я понял, что такое Блок. Он противопоставил свое самое святое — Христа, в котором для него была и Россия, и лучшие мечты о будущем, и всю жизнь — злобе буржуазии. Ка-ой это подвиг!

Как видим, отношение Бориса Ручьева к творчеству Блока с годами становилось более углубленным и душевно осознанным. В детстве и юности он чувствовал притягательную силу образности и интонации блоковских стихотворений, еще «по-настоящему не осмысленных». Такое, может быть, неосознанное влечение к Блоку чувствуется в раннем творчестве Ручьева, в сближении некоторых его образов, мотивов и интонаций с блоковскими темами, образами и мотивами (например, мотив «соловьиного сада» и образная структура лирических циклов Ручьева 30-х годов: «Соловьиная пора», «Проводы Валентины», «Открытие мира»).

Более глубокое постижение блоковских традиций проявляется в зрелом творчестве Б. А. Ручьева — в поэмах «Невидимка», «Любава» и лирическом цикле «Красное солнышко». Здесь ощущается уже влияние творческого метода А. Блока — революционного романтизма и жанровой специфики его произведений.

И уже в конце жизни, в 70-х годах, Ручьев серьезно изучает эстетические взгляды А. Блока. Сопоставление взглядов уральского поэта на литературу, сущность и назначение поэзии — с блоковскими свидетельствами о пересечении, совпадении их художественных концепций.

Так, представление А. Блока о поэте, художнике было очень близко и Ручьеву. Конспектируя статью В. Орлова «Уроки Блока», Ручьев выписывает следующий вывод литературоведа: «Поэт может сказать людям что-либо нужное им в том лишь случае, если способен передать содержание своего внутреннего опыта. Он должен сам пережить то, о чем хочет рассказать, и только претворив пережитое в свое создание, он имеет право называться поэтом».

Из книги Вс. Рождественского «Страницы жизни» Ручьев выписывает суждение самого А. Блока: «Стихи нельзя «делать», их надо прожить. Лучшее в них от жизни и только от нее».

Глубоко созвучны эти воззрения большого русского поэта взглядам современного советского поэта Б. А. Ручьева на сущность поэтического творчества.

Приведем, для примера, две записи из дневника Б. А. Ручьева:

«Стихи должны быть всегда отмечены истинными чувствами пережитого — мыслями, радостями и страданиями. И в основе каждого стиха должна быть достоверность жизненного испытания, или:

«Мои стихи, как вексель, каждое оплачено трудом, переживанием, страданием, жизнью».

А Блок учит тому, что поэзия — это не эстетическая забава, не веселое и приятное ремесло, а трудный подвиг, «испытание огнем и железом». «Искусство, как и жизнь, — писал он, — слабым не по плечу», «писать» трудно — и должно быть трудно».

«Испытание огнем и железом» пошла и рабочая муза Б. А. Ручьева. В поэме «Прощанье с юностью», говоря о нравственном подвиге своего поколения, он напишет:

Какой бы пламень гарью нас ни метил,
Какой бы пламень нас ни обжигал,
Мы станем чище,
Чем крепче боль,
тем памятной зачал.

Близки и дороги Ручьеву мысли Блока о том, что призвание поэта — призвание высокое, потому что он ответствен перед людьми и за людей. «Только о великом стоит думать, только большие задания должен ставить себе писатель, ставить смело, не смущаясь своими личными малыми силами», — призывает А. Блок литераторов.

Прекрасно сознавал свой долг писателя перед народом Б. Ручьев: «Самое главное, чего должен добиваться любой поэт, чтобы его стихи или поэмы прежде всего были интересны

людям по-настоящему. Вызывали в них душевный сток, были нужны людям не как развлекательные игрушки и фокусы, а сокровенное признание друга, умного, богатого чувством и знанием жизни, человеческой откровенностью».

Высшая свобода творчества, учит А. Блок, — в согласии с духом времени, которому истинный художник ни при каких обстоятельствах изменить не может: «Век прощает все грехи. Он никому не прощает одного: измены духу времени». Блок утверждал, что его поэма «Двенадцать», создание которой явилось наивысшим проявлением творческой свободы, — лучшее из всего, что он написал, потому, что тогда он «жил современностью».

Блок был убежденным противником всякого рода эстетической лжи, дешевого украшения культуры, бездушного формализма и холодного версификаторства. «Предаться гололодом выдумкам — еще не значит быть художником», — утверждал он.

И, как бы в унисон с этим высказыванием большого поэта звучат слова Ручьева: «Внешняя культура стиха еще не делает поэзию... Технику стихосложения может изучить в совершенстве любой образованный человек. А изучив, по всем правилам зарифмовать любой текст. По форме это будут стихи. Но еще В. Тредиаковский заметил более двухсот

лет назад, что иное есть — поэзия, а иное совсем — стихосложение».

Настоящий бой эпитонству и версификаторству дает Б. А. Ручьев в своей статье «Что виднеется в тумане», опубликованной в «Челябинском рабочем» в 1970 году. Он подвергает суровой критике поэта О. Плебейского, прежде всего, за стихотворение «Александру Блоку», «в котором проявились ошибочные, безответственные представления о гениальном поэте России и Революции». Высмеивая «чисто случайные» и «произвольные» ассоциации, строки, «не наполненные никаким художественным содержанием, уподобление Блока «надменному сфинксу», Ручьев писал: «Для любого человека, знающего творчество и жизнь поэта, дико и нелепо его сравнение со «сфинксом»... Наоборот, творчество Блока, его духовная суть и жизнь, его метафоры и поиски всегда и во всем были схожи с кипящей лавой. Органически ему чужда была по всей природе души подобная «окаменелость».

Творчество Бориса Ручьева, его эстетические взгляды и общественно-литературная работа наглядно демонстрируют, что Александр Блок и сегодня — наш союзник и соратник в борьбе за поэзию больших мыслей и чувств, поэзию общенародного звучания.

А. ГАЛЬЦЕВА,
член Союза писателей СССР.